«Простите, но что вы делаете, девочки?»

Быстрыми и уверенными шагами Миа вошла в толпу. Тиону окружали три девушки. Она узнала их как дочерей немного известных дворян из ряда немного известных стран. Акцент здесь делается на «немного».

«А? А кто… – раздражённо сказала лидер троицы. – Вы думаете, что вы вмешиваетесь…»

«В-ваше высочество…?»

Услышав удивлённый голос Тионы, девушка замолчала, и краска сошла с её лица.

«Ч-что? Ваше высочество? Ты имеешь в виду…»

«Я действительно считаю, что формальности в порядке. Как вы могли догадаться, я действительно Миа Луна Тиамун, принцесса Империи Тиамун. Приятно познакомиться». Миа слегка потянула за юбку и сделала элегантный реверанс. Именно тогда солнечный свет обрушился на неё, наделив её сияющей короной, ослепившей зрителей. Как будто она сияла славой самой Империи, и девушки чуть не попадали ниц на месте.

«А теперь позвольте мне повториться… Что именно вы, девочки, делаете?»

«Эм, ну, мы …»

Их лица бледнели с каждой секундой. Как принцесса могущественной Империи Тиамун, Миа была единственным человеком, которого они не могли позволить себе оскорбить… И прямо сейчас она выглядела совершенно разъярённой.

Действительно, Миа была на грани того, чтобы взорваться от злости. Меньше всего она хотела помогать своему заклятому врагу, и всё же, эти девушки поставили её в ситуацию, когда у неё не было другого выбора, кроме как сделать именно это. Поэтому она смотрела на них с жгучей ненавистью.

«Мне показалось, что вы довольно грубо вели себя по отношению к одному из моих подданных».

«Н-совсем нет. Мы просто подумали, что, гм, хотя она из имперской знати, она происходит из благородного дома в Запределье, поэтому мы напоминали ей, что любые грубые привычки недопустимы в приличном обществе…»

«Нужно ли мне повторяться ещё раз?»

Видя, что у неё нет выбора, Миа согласилась с тем, что ей придется сыграть спасительницу. Однако это было неохотное принятие, и Миа была крайне невезучей. В конце концов, она ненавидела проигрывать – то есть свою жизнь на гильотине – так сильно, что буквально переигрывала. Пытаясь почувствовать себя немного лучше после этого возмутительного поворота событий, она продолжала говорить.

«Видите ли, я люблю всех своих подданных, и люблю их одинаково. Даже ребёнку беднейшего нищего не будет отказано в моей любви. Независимо от того, кто они такие, пока они принадлежат Империи, я не потерплю никакой небрежности по отношению к ним».

Она имела в виду, что я не помогаю Тионе, потому что она особенная или что-то в этом роде,

хорошо? Даже если бы они издевались над какой-нибудь несчастной нищей, она всё равно вмешалась бы, чтобы помочь. По сути, она действительно говорила: «Послушай, ты, дурочка! Я не обращаю на тебя внимания! Для меня ты ничем не отличаешься от какого-то несчастного нищего, понятно?»

Теперь всё это может показаться в высшей степени нелогичным. Учитывая, что она всё равно вмешивалась, чтобы помочь, для неё было бы гораздо продуктивнее просто приложить все усилия. Однако для этого ей потребуется хорошо заниматься спортом. И Миа не годилась для того, чтобы заниматься спортом. Поэтому она повернулась к Тионе и торжествующе улыбнулась ей.

Ха! Я тебе только что помогла. Ты больше не можешь сказать обо мне ничего плохого?

Увы, улыбке Миа суждено было быть неправильно истолковано.

Тиона не происходила из особого дворянского рода. Её дед изначально был своего рода лидером среди своих товарищей-фермеров. После успешной борьбы с группой бандитов он получил землю и титул. Следовательно, он не родился, а был принят во дворянство – своего рода нувориш. Хуже всего было то, что регион, где жила Тиона, был включен в состав Империи намного позже, чем другие регионы. В результате, дискриминация была там безудержной. Часто их даже не считали подданными Империи, не говоря уже о дворянстве. «Граждане второго сорта» – едва ли самое страшное оскорбление, которое они когда-либо слышали. В плохие дни их называли как угодно, от «потомков крепостных» до «колониальных крестьян». Вот почему Тиона приехала в Сен-Ноэль. Она испытывала своё сердце, выучила все правила приличного общества и даже занялась фехтованием. День за днем она заставляла себя совершенствоваться, чтобы затмить тех благородных девушек, которые над ней смеялись. Или, по крайней мере, чтобы она больше не была объектом их насмешек. Она хотела, чтобы её признали равной им, хотела взглянуть им в глаза и понять, что они видят перед собой кого-то, у кого кровь течёт так же ярко, как и у них. И тем не менее, прошло всего полдня с тех пор, как она приехала, а она уже смотрела на разбитые осколки своих надежд. Голоса, их злобный тон, слишком знакомый, пронзали её уши и душу.

Её мир рушился. Она закусила губу и опустила взгляд.

Пройдя весь путь сюда, она получила ответ: ничего не имело значения, как она ни старалась. Ничего не изменится. Ни для неё, ни для Рудольвонов, ни для жителей её графства. Их никогда не считали полноправными гражданами Империи Тиамун, и не будут считать. Принцесса появилась, когда отчаяние уже начало сжимать её сердце. Подобно вспышке света, разделяющей тьму, Её Императорское Высочество Миа Луна Тиамун, благороднейшая из знати и принцесса Империи Тиамун, вошла и заявила с громкой убеждённостью, что Тиона – «одна из моих подданных» и что «независимо от того, кто они есть, пока они принадлежат Империи, я не потворствую какой-либо невежливости по отношению к ним»…

А? На долгое время разум Тионы опустел.

Слова Мии продолжали звучать в её голове, но их значение ускользало от неё. Она не ожидала никакой помощи, и никогда в своих самых смелых мечтах она не думала, что её также признают подданной Империи. Затем она моргнула, и фигура девушки перед ней стала чётче.

«Ваше высочество…»

Улыбка девушки была более нежной, чем та, которую она когда-либо видела.

«…Ах!»

Что-то упало с щеки Тионы. Она знала, что это слеза. Не потому, что вся её тяжёлая работа окупилась. Не потому, что она отомстила своим обидчикам. Это было из-за обещания – уверенности в том, что каким бы бессильным или незначительным человеком она ни была, юная принцесса перед ней будет любить и защищать её как одну из своих. Проведя всю свою жизнь в преследовании желания продолжать доказывать себе, впервые в жизни она почувствовала себя… в безопасности. Облегчение вылилось из неё потоком слёз, который, несмотря на все её попытки остановить его, просто не хотел прекращать течь.

http://tl.rulate.ru/book/34369/1296936